

ПРАВОСЛАВНАЯ ПОДОЛІА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ ПОДОЛЬСКОЙ ЕПАРХІИ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ VIII).

Выходитъ съ газетой „Подолія“ вмѣсто „Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ съ 1906 года.

Цѣна за годъ 4 руб. съ перес. и безъ перес.; за полгода 2 руб.
Отд. №-ръ 10 коп. Вмѣстѣ съ газетой „Подолія“ 10 р. за годъ.

Императоръ Константинъ Великій и торжество христіанства.

(На предстоящему 14 сентября 1913 г. торжественному воспоминанію 1600-лѣтія Миланскаго эдикта.)

Въ мартѣ текущаго 1913 года исполнилось 1600 лѣтъ со времени изданія римскимъ императоромъ Константиномъ Великимъ знаменитаго Миланскаго эдикта (въ 313 г.), которымъ жестоко гонимая дотошъ христіанская вѣра и Церковь получили свободу и право господствующей религіи.

Торжественное воспоминаніе 1600-лѣтія со времени Миланскаго эдикта, коимъ признано было за православною вѣрою право на свободное распространеніе и первенство ея, Свят. Синодомъ опредѣлено (см. Церк. Вѣд. за 1913 г. № 11, стр. 125—126) отпраздновать 14 сентября сего 1913 года благодарственнымъ молебствіемъ во всѣхъ храмахъ, предваривъ эти молебствія соответствующими поученіями. Въ качествѣ матеріала для пастырскихъ поученій, посвященныхъ событію, которое будетъ торжественно воспоминаемо, и предлагается настоящій краткій историческій очеркъ.

Упрочивъ первенство христіанской вѣры, Миланскій эдиктъ составилъ цѣлую эпоху въ жизни человѣчества. Но прежде сво-

го торжества христіанство вышло рядъ жестокихъ гоненій, которыя воздвигали противъ него римскіе императоры.

Конецъ II вѣка и III вѣкъ по Рождествѣ Христовомъ составляютъ переходное время для Церкви Христовой. Оно было очень тяжелымъ для послѣдователей креста; но здѣсь же и лежитъ начало господства христіанства надъ отжившимъ свой вѣкъ язычествомъ. Сначала немногочисленная, Церковь Христова къ этому времени настолько окрѣпла, что могла дать сильный отпоръ язычеству, настолько увеличилась въ числѣ своихъ членовъ, что уже не боялась натиска со стороны язычества и могла развернуть свои силы. Какъ божественное установленіе, опирающееся на истинѣ, стоящая на невыблемомъ камнѣ, она смѣло и рѣшительно вступила въ борьбу съ заблужденіями язычества и начала одерживать одну побѣду за другой. Въ свою очередь и язычество, видимо падавшее, устарѣвшее, подгнившее въ своемъ корнѣ, употребляло послѣднія усилія въ этой борьбѣ—отстоять свою самостоятельность и преобладающее значеніе. Между устарѣвшими языческими элементами и новыми христіанскими началами возгорѣвшаяся раньше ожесточенная борьба, борьба далеко не съ одинаковыми силами съ той и съ другой стороны, шла теперь на жизнь и смерть. Очевидная для всѣхъ благотворность христіанскаго ученія, его приложимость къ жизни и вліяніе на жизнь не могли не быть замѣтными и для язычниковъ. И, однако, они возставали противъ того, что въ принципѣ считали дѣломъ хорошимъ. Язычество настолько глубоко пустило свои корни, что сразу не могло быть подавлено; язычники настолько привыкли къ своей религіи, освященной вѣками, имѣвшей на своей сторонѣ авторитетъ древности, что даже помыслить о перемѣнѣ своихъ привычекъ считали невозможнымъ и вооружились противъ христіанства огнемъ и мечомъ.

Рядомъ съ язычествомъ и рука объ руку съ нимъ шло противъ христіанства и іудейство. Лишенные политической самостоятельности и не имѣвшіе возможности непосредственно вредить ненавистному для нихъ христіанству, іудеи примкнули къ язычникамъ и, возбуждая ихъ фанатизмъ, черезъ нихъ дѣйствовали

противъ христіанъ и христіанства. Цѣль ихъ достигалась: незнакомые съ христіанствомъ, язычники на первыхъ порахъ дѣйствовали противъ христіанъ подъ вліяніемъ сыновъ Израиля, и первыми гоненіями со стороны язычниковъ, безъ сомнѣнія, христіане были обязаны жестокимъ мучителямъ Спасителя міра, вознесшимъ Его на крестъ.

Язычество и іудейство были вѣшними врагами Христовой Церкви. Наряду съ ними сильное противоудѣіе христіанству явилось въ немъ самомъ. Во 2 и 3 вѣкахъ особенно усилились гностическія ереси, которыя, подъ оболочкой христіанства, скрывали въ себѣ языческіе элементы и легко увлекали вѣрующіихъ почти въ то же язычество, грозили если не совершенно уничтожить истинное христіанство, то, во всякомъ случаѣ, повредить чистотѣ евангельскаго ученія.

Осбенную ненависть къ христіанамъ проявилъ Діоклетіанъ (284—303 г.). Четыре эдикта, изданные имъ, отличались необычайною жестокостію и имѣли цѣлю совершенно истребить христіанство. Пущены были въ ходъ всевозможныя пытки и казни, и исполнители ихъ не задумывались ни предъ какою жестокостію. Назначенъ былъ даже послѣдній срокъ для существованія христіанства. Рано утромъ 23 февраля 303 года отрядъ воиновъ окружилъ никоидійскій храмъ: двери его были разломаны, священныя книги сожжены, драгоценности разграблены, и весь храмъ разрушенъ до основанія. Послѣ этого начались такіе ужасы, которыхъ невозможно изобразить. „Еслибы у меня“, пишетъ одинъ изъ современниковъ (Лактанцій), „были сотни устъ и желѣзная грудь, то и тогда я не могъ бы исчислить всѣхъ родовъ мученій, претерпѣнныхъ вѣрующими“. Свирѣдость мучителей доходила до того, что изувѣченныхъ снова гнѣчили, чтобы мучить, мучили сотнями, безъ различія пола и возраста. „Я самъ былъ очевидцемъ этого“, говоритъ историкъ Евсевій: „жельзо притуплялось и ломалось, и сами убійцы, утомившись, поочередно смѣняли другъ друга“.

Гоненіе Діоклетіана на христіанъ было послѣднимъ. Это была послѣдняя отчаянная попытка враговъ Христа. Со вступле-

ніемъ на престолъ Константина Великаго, христіанство сдѣлалось господствующей религіей, и для Церкви Христовъ и наступили дни мира.

Императоръ Константинъ былъ сынъ Констанція Хлора, управлявшаго западною частью Римской имперіи, и святой равноапостольной Елены. Послѣ смерти отца (въ 306 г.) Константинъ былъ провозглашенъ императоромъ.

Къ принятію христіанства онъ былъ предрасположенъ своею матерью. Отецъ его, хотя и былъ язычникъ, но покровительствовалъ христіанамъ, такъ какъ онъ видѣлъ, что они вѣрные слуги и честные граждане. При дворѣ Діоклетіана въ то время, когда онъ еще не былъ гонителемъ Церкви, христіане занимали различные должности, и Константинъ имѣлъ возможность убѣдиться въ ихъ честности и вѣрности долгу. Затѣмъ онъ видѣлъ весь ужасъ гоненій и необыкновенную твердость исповѣдниковъ Христовыхъ, и это также расположило его въ ихъ пользу.

По характеру своему дѣятельный, воинственный, для всѣхъ доступный и щедрый, при дальновидномъ и проницательномъ умѣ, Константинъ является воплощеніемъ мірового генія. Провидѣніе Божіе избрало его для совершенія величайшаго переворота въ имперіи и во всемъ человѣчествѣ.

Близкій къ христіанству по расположенію своего сердца, Константинъ былъ обращенъ ко Христу чудеснымъ образомъ. Незадолго до рѣшительной битвы съ своимъ врагомъ Максенціемъ (въ 312 г.), Константинъ сталъ усердно молиться единому Богу, небомъ и землею обладающему, Котораго почитаютъ христіане, чтобы Онъ даровалъ ему побѣду надъ мучителемъ. И вотъ, во время этой молитвы, въ полдень, при полномъ солнечномъ свѣтѣ, Константинъ увидѣлъ на небѣ образъ креста Господня, составленный изъ звѣздъ и сіявшій сильнѣе солнца, съ надписью вокругъ него: „Симъ побѣждай“. Это знаменіе видѣло все войско Константина, въ которомъ было много христіанъ. Всѣ удивлялись и не могли понять значенія этого явленія. Самъ царь былъ въ недоумѣніи. Въ слѣдующую ночь явился ему во снѣ Самъ Христъ Господь, опять показавъ ему знаменіе кре-

ста и сказалъ: „Сдѣлай подобіе этого знаменія и прикажи носить его предъ войскомъ, и не только Максентія побѣдишь, но и всѣхъ враговъ своихъ!“ Утромъ Константинъ разсказалъ объ этомъ видѣніи своимъ приближеннымъ и, призвавъ мастеровъ, повелѣлъ имъ сдѣлать честный крестъ, подобный явившемуся ему, изъ золота, желѣза и драгоценныхъ камней. А всему войску приказалъ изобразить крестное знаменіе на шлемахъ, щитахъ и на всемъ оружїи. Произошло сраженіе. Войска Максентія были разбиты. Самъ Максентій со множествомъ воиновъ утонулъ въ р. Тибрѣ. Царь Константинъ вошелъ въ городъ и съ радостью былъ встрѣченъ римлянами. Приписывая побѣду христіанскому Богу, Константинъ устроилъ посреди Рима на высокомъ каменномъ столбѣ крестъ и написалъ на немъ: „Симъ спасительнымъ знаменіемъ городъ этотъ освобожденъ отъ ига мучителя“. Послѣ этого Константинъ былъ оглашенъ въ истинахъ христіанской религіи и началъ прилежно читать священныя книги. Полагая, что явившійся ему Одинъ достоинъ поклоненія, царь повелѣлъ, чтобы при немъ постоянно находились іереи Божїи, съ которыми онъ часто совѣтовался и наставленіямъ которыхъ усердно внималъ.

Вскорѣ послѣ побѣды надъ Максентіемъ Константинъ издалъ свой знаменитый Миланскій эдиктъ. Это событіе относится приблизительно къ мѣсяцу марту 313 года. Приводимъ главныя мысли Миланскаго эдикта. „Когда мы прибыли въ Миланъ, говорится въ эдиктѣ, то мы, Константинъ и Ликивій, занявшись внимательнымъ разсмотрѣніемъ способовъ, клонящихся къ общей пользѣ и благу, между прочими распоряженіями, или, лучше сказать, прежде всѣхъ распоряженій, заблагоразсудили сдѣлать постановленіе, которымъ охранялся бы страхъ и благоговѣніе къ Богу, именно: заблагоразсудили христіанамъ и всѣмъ отдать на произволъ соблюденіе того богослуженія, какого кто пожелаетъ, чтобы Божественное и Небесное Существо, какъ бы Его ни называли, было благосклонно и къ намъ и ко всѣмъ, находящимся подъ нашею властію. Итакъ, водясь здравымъ и правымъ смысломъ, объявляемъ слѣдующую нашу волю: пусть никому рѣшительно не запрещается избирать и соблюдать христіанское бого-

служеніе, но каждому отдается на произволь обращать сердце къ той вѣрѣ, какую кто находитъ согласно съ собственнымъ убѣжденіемъ, чтобы Божество при всякомъ случаѣ ниспослало намъ Свою помощь и всякое благо. Мы признали за нужное отмѣнить касательно христіанъ все, что представляется жестокимъ и несообразнымъ съ нашею кротостію. *Отнынѣ каждый, рѣшившійся соблюдать христіанское богослуженіе, пусть соблюдаетъ его свободно и неуклонно безъ всякаго затрудненія.* Мы заблагоразсудили объявить о нашей волѣ, предоставляющей христіанамъ полное и неограниченное право совершать свое богослуженіе. Если же мы это разрѣшили имъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ дается право и другимъ соблюдать свои обычаи и вѣру. Такъ опредѣлено нами съ цѣлю, чтобы не показалось, что мы хотимъ унижить достоинство какого бы то ни было богослуженія“. Затѣмъ Миланскій эдиктъ повелѣваетъ, чтобы немедленно, безъ всякаго отлагательства, возвращены были христіанской Церкви тѣ мѣста, на которыхъ были христіанскіе храмы, но которыя во время послѣднихъ гоненій перешли въ стороннія руки. Наконецъ, предписывалось оказывать Церкви христіанской всякое содѣйствіе къ возвращенію отнятыхъ у ней прежде общественныхъ имуществъ, а также объявить этотъ указъ во всеобщее свѣдѣніе.

Какое значеніе имѣетъ Миланскій эдиктъ? Почему онъ считается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ религіозно-законодательной дѣятельности Константина?

Миланскій эдиктъ составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи христіанской религіи и произвелъ полный переворотъ въ исторіи человечества. Миланскимъ эдиктомъ христіанство выдвинуто на первое мѣсто, а ~~все~~ прочія религіи поставлены ниже его.

Къ христіанству императоръ Константинъ обращаетъ свое лицо, свои взоры, свою душу, а отъ прочихъ религій онъ отвертывается, остается къ нимъ холоденъ и равнодушенъ; первое онъ возлюбилъ и ему хочетъ покровительствовать, съ остальными религіями онъ не имѣетъ никакихъ связей, но только терпитъ ихъ. Миланскій эдиктъ прямо и рѣшительно говоритъ о христіанской религіи, которая со времени изданія эдикта должна имѣть все

значеніе и всю силу въ государствѣ. И вся мысль законодателя сосредоточена только на христіанствѣ, которому одному онъ отдаетъ право, а другимъ религіямъ лишь не отказываетъ въ этихъ правахъ. Тонъ Миланскаго эдикта совершенно ясно говоритъ о томъ, что этотъ эдиктъ больше всего и прежде всего имѣетъ въ виду облагодѣтельствовать христіанъ. Въ эдиктѣ много разъ упомянуто имя христіанъ, но совсѣмъ не упомянуто имени послѣдователей другихъ религій. Съ именемъ христіанъ само собою дается понятіе и о томъ, что Глава христіанства—Христосъ—приковываетъ къ Себѣ все вниманіе законодателя, тогда какъ о богахъ языческихъ, которые до сихъ поръ имѣли таксе великое значеніе въ государственной жизни народовъ, въ эдиктѣ нѣтъ и помину. А между тѣмъ еще такъ недавно верховные законодатели въ своихъ религіозныхъ эдиктахъ постоянно напоминали своимъ подданнымъ „о нашихъ богахъ“, „о нашихъ бессмертныхъ богахъ“. Эдиктъ Миланскій совершенно игнорируетъ атихъ, еще недавно столь почитаемыхъ, мнимыхъ распорядителей судьбами челоувѣчества. Константинъ остается равнодушнымъ къ богамъ своихъ предковъ. Его мысль всецѣло занята Богомъ тѣхъ, которыхъ онъ въ эдиктѣ по имени этого Бога называетъ христіанами. Издавая эдиктъ, Константинъ стремится дать первенство и силу религіи христіанской и открываетъ ей широкій путь для вліянія на умы народовъ.

Другая существенная черта, характеризующая Миланскій эдиктъ, заключается въ слѣдующемъ. Римъ зналъ и уважалъ только религіи національныя, освященныя древностію, составлявшія необходимую принадлежность извѣстнаго народа. Язычники твердо помнили, что каждый народъ имѣетъ своихъ боговъ и обязанъ воздавать имъ почтеніе. Эта мысль постоянно была на устахъ языческихъ мыслителей и писателей. Ничего такого христіанство не признавало и не могло признать. Оно было религіей, принадлежащей не одному какому-либо народу, а всему челоувѣчеству. Это было удивительно и непонятно для язычниковъ и возбуждало въ нихъ ненависть въ христіанамъ. Но никакія притѣсненія и гоненія не мѣшали христіанству распространяться

шире и шире, расти болѣе и болѣе. Наконецъ, наступилъ моментъ, когда государство, хотя и противъ воли, должно было дать извѣстную санкцію христіанству, объявивъ его религіей терпимою. Такъ было при Галеріи. Не то мы видимъ въ Миланскомъ эдиктѣ. Здѣсь разомъ и смѣло отброшены все традиціи древности. Взглядъ на религію совершенно измѣняется. Константинъ далеко выходитъ за тѣ предѣлы, въ которые была заключена мысль человѣка древняго міра. Онъ ясно и во всеуслышаніе провозгласилъ, что христіанство не есть принадлежность какого-либо опредѣленнаго народа, а есть религія всеобщая, религія всего человѣчества. Онъ въ конецъ ниспровергъ узкій взглядъ древне-религіозныхъ представленій. Если прежде думали, что извѣстная религія принадлежитъ извѣстному народу, а потому она священна и неприкосновенна, то теперь Константинъ провозглашаетъ новое начало: онъ заявляетъ, что священна и неприкосновенна та религія, которая не принадлежитъ одному народу, а принадлежитъ всемъ народамъ, всемъ людямъ,—это христіанство. Это было величайшимъ шагомъ впередъ. Узкая религіозная исключительность древняго міра должна была пасть навсегда. Сравнительно съ предшествующими законодателями (напр. Галеріемъ) Константинъ становится на новую точку зрѣнія, единственно правильную. Онъ даетъ права свободнаго исповѣданія христіанства всемъ людямъ и всемъ народамъ, всемъ подданнымъ имперіи. Христіанство ставится выше всякихъ опредѣленныхъ народностей. И эта религія въ Миланскомъ эдиктѣ получила названіе—общество христіанское, перковь христіанская,—духовный союзъ всехъ послѣдователей Христа. Полагаютъ, что Миланскій эдиктъ, въ которомъ высказанъ такой опредѣленный взглядъ на христіанство, составленъ Константиномъ (въ то время еще мало знакомымъ съ христіанскимъ богословіемъ) не безъ участія извѣстнаго Осія, епископа Кордубскаго.

Существеннымъ дополненіемъ къ тому, чего хотѣлъ достигнуть Константинъ Миланскимъ эдиктомъ, служить его религіозно-политическая дѣятельность, обнаружившаяся тотчасъ по изданіи этого эдикта и продолжавшаяся до борьбы съ императоромъ

ромъ Ликиніемъ (323 г.), послѣ которой та же дѣятельность дѣлается еще рѣшительнѣе и смѣлѣе. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ отношенія Константина къ язычеству и христіанству. Константинъ рѣшительно ничего не дѣлаетъ для язычества, становится равнодушнымъ къ нему, но въ то же время для христіанства дѣлаетъ очень много. Уже самый тонъ и языкъ, какимъ онъ говоритъ о христіанствѣ, показываетъ, что оно не только пользуется терпимостью со стороны императора, но ему, т. е. христіанству, отдается полное предпочтеніе предъ другими религіями. Константинъ говоритъ о христіанствѣ (въ тонѣ) почтительнымъ, исполненнымъ искренняго чувства. Своему повелителю подражаютъ и его начальники. Въ документахъ, въ которыхъ Константинъ выражаетъ свою долю по религіознымъ вопросамъ, о христіанствѣ говорится: „святое богослуженіе“, „святѣйшее католическое богослуженіе“, „святая религія, заслуживающая благоговѣнія“ и т. п. Въ письмахъ къ епископамъ Константинъ никогда не забываетъ говорить имъ о покровительствѣ „Великаго Бога“ и „Бога Вседержителя“. Этотъ языкъ, эта благопочтительность, эти живыя сношенія съ епископами ясно показываютъ, что Миланскимъ эдиктомъ Константинъ поставилъ христіанскую религію неизмѣримо выше другихъ. Затѣмъ, та послѣдность, съ какой Константинъ требуетъ исполненія своей воли о возвращеніи христіанамъ отнятыхъ у нихъ во время гоненій имуществъ, показываетъ, что христіанство было для него религіей, о которой онъ больше всего заботился. Константинъ издаетъ одинъ указъ за другимъ съ тѣмъ, чтобы обезпечить христіанскія церкви или возвысить служителей этой церкви. Теперь Константина сильно интересуется, какъ отзывается общество о христіанахъ, и онъ всячески желаетъ охранить ихъ репутацію. Онъ прямо объявляетъ себя покровителемъ и защитникомъ христіанства, усматривая въ этомъ залогъ благоденствія общественнаго.

Изъ этихъ главнѣйшихъ фактовъ, въ которыхъ выразилась дѣятельность Константина въ пользу христіанства послѣ Миланскаго эдикта, видно, что онъ не только лишилъ язычество его

прежняго государственнаго значенія, но и даль основанія, утверждаясь на которыхъ, христіанство могло возвыситься до значенія государственной религіи. Подъ христіанствомъ же онъ разумѣлъ Церковь католическую (вселенскую), какъ твердѣйшій центръ христіанскаго общества. Къ католической Церкви обращены всѣ его милости, а различныя секты возбуждали въ немъ только гнѣвъ и негодованіе.

Изданіемъ Миланскаго эдикта и послѣдующею дѣятельностію Константина въ пользу христіанства положены прочныя основанія для торжества христіанства и Церкви надъ язычествомъ. Но только послѣ побѣды надъ Ликиніемъ (въ 323 г.), когда Константинъ сдѣлался единодержавнымъ правителемъ имперіи, онъ довершилъ начатое имъ дѣло утвержденія христіанства въ греко-римскомъ мірѣ. Въ то время, какъ Ликиній, готовясь къ рѣшительной битвѣ, приносилъ жертвы языческимъ богамъ и просилъ ихъ о помощи, Константинъ поступилъ иначе. Онъ возлагаетъ свои надежды не на боговъ языческихъ, а на крестное знаменіе, которое развѣвалось въ его войскахъ, замѣнивъ прежнія языческія знамена. Константинъ даже создалъ особое ополченіе, спеціальнымъ занятіемъ котораго было ношеніе знамени въ походѣ. По свидѣтельству историка Евсевія: „тѣмъ изъ своихъ щитоносцевъ, которые отличались всѣми достоинствами, Константинъ велѣлъ находиться при этомъ знамени“. Такихъ людей было не менѣе 50 и они не имѣли другой обязанности, какъ стоять во кругъ этого знамени или слѣдовать за нимъ въ видѣ почетной стражи, когда одинъ изъ нихъ поочереди несъ его на своихъ плечахъ“. Этого мало; во время похода Константинъ окружилъ себя священниками въ томъ убѣжденіи, что Богъ, Которому онъ служитъ, по крайней мѣрѣ за это будетъ къ нему милостивъ. Борьба Константина съ язычникомъ Ликиніемъ была непродолжительна. Она окончилась полнѣйшимъ торжествомъ оружія Константина.

Время отъ побѣды надъ Ликиніемъ и до самой смерти Константина (323—337 г. г.) составляетъ новую и самую высшую ступень въ развитіи религіозно-политической дѣятельности Кон-

стантина. Сдѣлавшись единоподержавнымъ, Константинъ сталъ дѣйствовать свободнѣе и рѣшительнѣе на пользу христіанства и Церкви и открытѣе выражать свое пренебреженіе къ язычеству. Онъ сталъ еще ближе къ христіанству и еще дальше отъ язычества. Замѣчательны два эдикта, изданные имъ въ 323 и 324 г. г. Въ первомъ эдиктѣ онъ прямо говоритъ о себѣ, что онъ стоитъ на сторонѣ христіанства. „Молю Тебя, Великій Боже, взываетъ Константинъ, будь милостивъ и благосклоненъ къ восточнымъ Твоимъ народамъ! Не безъ причины прошу этого, Владыко всѣхъ, Святый Боже. Ибо я предалъ Тебѣ свою душу, ибо искренно люблю Твое имя и благоговѣю предъ твоимъ силою, которую явилъ Ты многими опытами“. Этого мало. Константинъ открыто заявляетъ, что миссія его заключается въ томъ, чтобы родъ человѣческой призвать къ служенію священнѣйшему закову (христіанству) и подъ руководствомъ Высочайшаго Существа возрости блаженнѣйшую вѣру“. Теперь отношенія Константина къ язычникамъ одѣлались еще хуже и пренебреженіе къ нимъ стало еще яснѣе. Онъ называетъ ихъ „нечестивыми“, „сѣменемъ беззаконныхъ“, а ихъ мнѣнія считаетъ „развращеннымъ безуміемъ“.

Какимъ сталъ Константинъ въ отношеніи къ христіанству и Церкви послѣ побѣды надъ Ликиніемъ, видно изъ его дѣйствій. Привести всѣхъ къ религіозному единенію чрезъ распространеніе и утверженіе христіанства въ имперіи, вотъ что было глубочайшимъ стремленіемъ Константина. Отсюда его покровительство христіанству. Торжество христіанства въ душахъ всѣхъ людей, подчиненныхъ его скипетру, составляло цѣль его жизни. Для того, чтобы достигнуть этой цѣли, онъ входитъ въ самое тѣсное общеніе съ представителями христіанства—епископами. Онъ хочетъ слиться съ ними въ единствѣ стремленій и дѣйствій и выражаетъ это въ очень энергичныхъ словахъ. Однажды онъ сказалъ христіанскимъ епископамъ: „вы—епископы внутреннихъ дѣлъ Церкви, а меня можно назвать поставленнымъ отъ Бога епископомъ внѣшнихъ дѣлъ“. Онъ отдавалъ себя на служеніе Церкви такъ, какъ дѣлаетъ это каждый епископъ. И дѣйствительно, Константинъ, въ своей заботливости о Церкви и ея благоденствіи,

стві, уподобляється доблестному епископу. Раздѣленія и споры въ Церкви (по поводу аріанства) лишаютъ его ночного покоя и заставляютъ его стелать и проливать слезы; онъ болѣзновалъ душою, какъ будто-бы съ нимъ случилось личное несчастье. Онъ не могъ равнодушно смотрѣть на то, что христіанское ученіе сдѣлалось предметомъ комическихъ выходокъ на театральныхъ подмосткахъ. Раздѣленія церковныя онъ считалъ хуже тягостной и страшной войны. Отсюда онъ принималъ все мѣры къ водворенію мира въ средѣ христіанскаго общества. Заботясь о мирѣ въ Церкви, Константинъ старался прекратить аріанскія смуты. Онъ писалъ объ аріанствѣ письма къ епископу Александрійскому Александру и къ самому Арію. Но когда и это не помогло, онъ послалъ для увѣщанія Арія епископа Осію Кордубскаго. Только послѣ этого, по совѣту нѣкоторыхъ епископовъ, онъ созвалъ въ Никее (въ 325 г.) первый вселенскій соборъ изъ епископовъ всѣхъ православныхъ церквей. Все издержки по путешествію отцовъ собора онъ взялъ на себя и оказывалъ имъ всяческое почитеніе и уваженіе. Константинъ самъ явился на соборъ и 19 іюня 325 г. открылъ его рѣчью, въ которой просилъ отцовъ умирить Церковь Божію.

Сдѣлавшись единовластнымъ повелителемъ, Константинъ воспользовался преимуществами Византіи и перенесъ сюда свою резиденцію изъ языческаго Рима. Руководимый незримымъ для другихъ вѣстникомъ небснаго Промысла, Константинъ самъ начерталъ копьемъ на землѣ направленіе городскихъ стѣнъ, а затѣмъ торжественно освятилъ самый городъ (11 мая 330 г.), посвятивъ его Пресвятой Богородицѣ и назвавъ „Новымъ Римомъ“. Но благодарные современники и потомство наименовали новую столицу „градомъ Константина“. Желая сдѣлать городъ достойнымъ и по вѣщности называться христіанскою столицей обширнѣйшей имперіи, св. Константинъ ревностно заботился объ украшеніи его храмами и общественными сооруженіями. Тогда же положено было основаніе знаменитому впоследствии храму Софій (Премудрости Божіей), заново отстроенному императоромъ Юстиніаномъ Великимъ.

Кромѣ того, Константинъ построилъ много прекрасныхъ храмовъ въ другихъ городахъ своей обширной имперіи.

Продолжая со всѣмъ усердіемъ подвигаться въ пользу Церкви Божіей, Константинъ запретилъ языческія празднества, издалъ законъ противъ лжеучителей, съ воспрещеніемъ имъ богослужебныхъ собраній, а зданія, въ которыхъ они собирались, приказалъ передать Церкви. Кромѣ того, онъ приказалъ освящать 1-й день недѣли, пятницу—въ память страданій Спасителя, въраздновать Пасху и дни мучениковъ; установилъ во дворцѣ чтеніе молитвъ и священнаго Писанія и далъ войнамъ образцы молитвъ. Считаая иноческую жизнь высокимъ подвигомъ, Константинъ отмѣнилъ языческіе законы противъ безбрачія. По его распоряженію, запрещено распятіе на крестѣ, что было обычною казнію у римлянъ. Признавая неприличнымъ для христіанъ быть въ услуженіи у евреевъ, избившихъ пророковъ и распявшихъ Самого Господа, онъ строго запретилъ это. При Константинѣ издано важное узаконеніе, разрѣшавшее жертвовать въ пользу Церкви частныя имущества. Питая свой умъ истинами божественными, Константинъ иногда проводилъ цѣлыя ночи въ молитвахъ и благочестивыхъ размышленіяхъ. Заботясь о мирѣ Церкви, Константинъ перѣдко созывалъ церковныя соборы, на которыхъ внушалъ предстоятелямъ церквей жить въ мирѣ и согласіи. Послѣ собора въ Тирѣ (335 г.) отцы собора отправились въ Іерусалимъ для освященія только-что оконченнаго храма Воскресенія Христова. Согласно волѣ императора, въ Іерусалимѣ собралось со всей вселенной множество епископовъ и народа. По распоряженію Константина, духовенство и народъ получили все необходимое на счетъ государства. Розданы были значительныя суммы денегъ, множество одеждъ. Храму были принесены отъ императора богатые дары. Съ этого времени святой градъ пересталъ называться „Эліей“ получилъ вновь названіе Іерусалима и сталъ привлекать къ себѣ множество паломниковъ изъ разныхъ странъ.

На 65 году своей жизни Константинъ занемогъ и отправился въ Еленополь, чтобы пользоваться тамъ теплыми водами. Чувствуя, что болѣзнь усиливается, онъ перѣехалъ въ пред-

мѣстѣ Никоидіи (Ахиронъ), гдѣ и рѣшилъ принять святое крещеніе. „Пришло, говорилъ онъ въ присутствіи приглашенныхъ епископовъ, вождѣльное для меня время, котораго я давно жажду и о которомъ молюсь, какъ о времени спасенія въ Богѣ“. Епископы, во главѣ съ Евсевіемъ Никоидійскимъ, совершили надъ нимъ таинства св. крещенія и муропомазанія, строго выполнивъ всѣ установленныя для сего обряды. Исполнившись Божественнаго свѣта и невзяснимой радости, Константинъ, въ знакъ духовнаго торжества, облекся въ блиставшую драгоценностями царскую одежду и воскликнулъ: „Теперь, сознаю себя истинно блаженнымъ!“ Вскорѣ послѣ этого, въ самый день Пятидесятницы, около полудня 21 мая 337 года, Равноапостольный Царь скончался (на 65-мъ году отъ роду).

Нельзя описать ту скорбь, которую исполнились сердца служителей Церкви, воиновъ и народа при извѣстіи о блаженной кончинѣ императора. Честное тѣло св. Константина было положено въ золотой ракъ. Кругомъ горѣли свѣтильники и стояла почетная стража. Народъ непрерывной волной тѣснился ко гробу возлюбленнаго императора, чтобы воздать ему послѣднее цѣлованіе.

„Такъ какъ онъ одинъ изъ римскихъ царей съ глубочайшимъ благоговѣніемъ чтилъ Царя всѣхъ — Бога, говорить о св. Константинѣ его жизнеописатель Евсевій, — одинъ не обнуясь проповѣдывалъ всѣмъ ученіе Христа, одинъ столько прославилъ Церковь Его, сколько никто отъ вѣка, одинъ ниспровергъ всѣ заблужденія многобожія и обличалъ всѣ виды идолослуженія, то одинъ онъ при жизни и по смерти удостоился благъ, какихъ не достигалъ никто другой. Онъ открыто называлъ себя рабомъ Царя всѣхъ, и Богъ содѣлалъ его такимъ царемъ, о какомъ прежде и слухомъ не слыхали... Онъ разливалъ свѣтлые лучи благочестія до концовъ всей вселенной, на жителей цѣлой земли въ такой степени, что она охотно, съ любовью и радостью посылала ему свои дары и считала высокою честью пользоваться его знакомствомъ и дружбою. Близкихъ онъ привязывалъ къ себѣ великодушно оказанными благодѣяніями; другихъ ограждалъ

законами человеколюбія и свою власть сдѣлалъ для подданныхъ легкою и вождельною. Богъ давно посредствомъ видѣній открылъ Константину умыслы всѣхъ враговъ и вообще многократно удостоивалъ его богоявленій, позволяя ему чудеснымъ образомъ созерцать лицо Свое и даруя предвѣднія различныхъ будущихъ событій“.

Таковъ былъ императоръ Константинъ, которому безпристрастная исторія усвоила названіе „Великаго“, а святая Церковь дала названіе „Равноапостольнаго“.

„Кіев. Еп. Вѣд.“

Священникъ *Константинъ Корольковъ*.

Бесѣда о храненіи завѣтовъ старины Митрополита Московскаго Макарія.

Той землѣ не устоять, гдѣ начнутъ уставы ломать.

Это изреченіе народной мудрости дошло до насъ отъ старыхъ временъ. Въ немъ заключается добрый совѣтъ для всякаго времени, а для нашего по преимуществу. Ломка старыхъ обычаевъ сильно теперь бросается въ глаза всѣмъ любителямъ доброй русской старины. Нынѣ старые русскіе прекрасные обычаи изымлются изъ употребленія, какъ старая дорогая мебель выносятся изъ дома потому только, что она стара, не отвѣчаетъ послѣдней модѣ, и замѣняется новомодной, хотя часто и весьма непрочной; при этомъ настоящее золото замѣняется поддѣльнымъ, прочный матеріалъ—слабымъ. Такъ же поступаютъ нѣкоторые люди нашего времени съ древними обычаями. Уставы церковные пренебрегаются; освященные времена обычаи оставляются, вводятся новые, противные церковному духу; простота и чистота нравовъ замѣняется лоскомъ вишнихъ приличій, въ которыхъ иногда бываетъ много блеска, но мало простоты, чистоты и приличія; много красивыхъ словъ, но мало правды и искренности; храмъ Божій у многихъ замѣняется театромъ и циркомъ; благоговѣнное чтеніе празниковъ—празднымъ проведеніемъ времени, ночнымъ и дневнымъ разгуломъ.

Что касается постовъ, то нынѣ не тѣ стыдятся, кто нарушаетъ посты, а тѣ, кто соблюдаетъ ихъ. Незаконныя сожителства болѣе и болѣе вытѣсняють честное супружество. Счастливые браки нынѣ такъ рѣдки, что многіе стали предпочитать законному союзу супруговъ выборочное сожителство. Дѣти не чтутъ родителей. Молодое поколѣніе отбивается отъ рукъ. А въ послѣдніе дни свободомысліе и легкомысліе уже стало переходить въ дерзкія рѣчи объ измѣненіи существующаго порядка государственной жизни,—порядка, покоящагося на исконныхъ устояхъ православія, самодержавія и русской народности.

Все это не было бы весьма прискорбнымъ, еслибы такъ дѣлающіе сознавали, что они грѣшатъ противъ Бога, противъ вѣры, противъ совѣсти; что этимъ нарушеніемъ законовъ Божіихъ и уставовъ церковныхъ привлекаютъ на себя гнѣвъ Божій, и что безразборчивой переменной обычаевъ расшатываютъ устой дорогого нашего отечества. Такое сознаніе, рано-ли, поздно-ли, могло бы привести ихъ къ раскаянію и исправленію. Но прискорбно то, что желающіе совершить ломку уставовъ, обычаевъ и порядковъ церковной, общественной и государственной жизни хотятъ дѣлать то во имя какихъ-то своихъ новыхъ міровоззрѣній; они мечтаютъ, что осчастливятъ сословія, племена и народы, если перестроятъ общества и государства на новыхъ, ими взмышленныхъ началахъ. Соціалистъ думаетъ, что если преобразовать міръ по его ученію, если отобрать у богатыхъ ихъ имущество и раздѣлить всѣмъ поровну, то всѣ будутъ довольны и счастливы. Анархистъ думаетъ, что счастье сойдетъ на землю тогда, когда не будетъ власти на землѣ. Послѣдователь новоизмышленнаго евангелія также мечтаетъ, что послѣдуй всѣ ученію его учителя—новаго лжеевангелиста, и будутъ всѣ счастливы. Напрасныя мечты—осчастливить міръ ломкою стараго и введеніемъ новаго порядка! Вѣдь не оттого люди страдаютъ, что существующіе порядки таковы, а не иные; а оттого, что у людей разстроены порядки внутренней ихъ жизни. Счастіе не внѣ человѣка, а внутри его: царствіе Божіе внутри васъ есть. Устрой каждый человѣкъ свою жизнь по законамъ совѣсти и по заповѣдямъ, изложеннымъ

прежде всего въ десятословіи, и будешь счастливъ. Научись вѣровать въ Бога и любить Его, почитай родителей и старшихъ, не убивай, не прелюбодѣйствуй, не крадь, не лжесвидѣтельствуй, не завидууй,—и будешь счастливъ при всякомъ строе общественной жизни. Не въ роскоши счастье, а въ умѣренности и довольствѣ своимъ уголкумъ; радость жизни не въ изысканныхъ яствахъ и многихъ перемѣнахъ одеждъ, а въ кускѣ хлѣба, съ миромъ и съ покойной совѣстью. Наблюденія за жизнью народовъ прежнихъ временъ, разныхъ странъ, свидѣлствуютъ, что племена и народы счастливѣе живутъ тамъ, гдѣ нѣтъ роскоши, гдѣ молодое поколѣніе воспитывается въ нравственныхъ правилахъ, въ страхѣ Божіемъ и почитаніи родителей; что наиболѣе устойчивыми оказываются тѣ народы, которые сохраняютъ прототипу патриархальной жизни, гдѣ дѣти не отдѣляются отъ родителей, но составляютъ одну крѣпкую, цѣльную, связанную родственными узами, многочисленную семью; глава этой семьи есть какъ-бы царь въ народѣ: всѣ ему повинуются и всѣ одинаково трудятся и одинаково пользуются общимъ достояніемъ. Всѣ члены такой семьи довольны и потому счастливы. Тамъ почти нѣтъ самоубійствъ, которыя такъ часты въ наши времена, когда съ умноженіемъ знаній, искусствъ и удобствъ жизни умножается и недовольство жизнью, вмѣстѣ съ тѣмъ непомерно возрастаетъ и число самоубійствъ. Счастливо то семейство, гдѣ молодое поколѣніе воспитывается въ страхѣ Божіемъ и повиновеніи родителямъ; счастливо то государство, которое состоитъ изъ такихъ семействъ. Кто почитаетъ родителей, тотъ почитаетъ и начальниковъ. Если государство будетъ состоять изъ такихъ семействъ, то это будетъ мирное и благополучное царство: тамъ не будетъ возмущенія рабочихъ, не будетъ злоумышленниковъ, не будетъ и бунтовщиковъ.

Русское царство, по милости Божіей, стоитъ крѣпко и будетъ стоять дотолѣ, пока народъ будетъ хранить неизмѣнно законъ Божій, преданія святой старины и уставы святой церкви; пока онъ, подобно предкамъ своимъ, готовъ будетъ умереть за вѣру, царя и отечество.

Соблюдая уставы церкви и обычаи, унаследованные отъ предковъ, русскій человекъ долженъ соблюдать и внѣшній свой обликъ, которымъ онъ отличается отъ другихъ народовъ. Главный внѣшній обликъ, отличающій одинъ народъ отъ другого, есть его одежда и языкъ. Тотъ народъ устойчивъ, который неизмѣнно хранитъ свои добрые обычаи, языкъ и одежду. Перемѣна одежды, погоня за модой обезличиваютъ народъ. Перемѣна покроя одежды раздѣлила русскій народъ на части: отдѣлила богатаго отъ бѣднаго, городского жителя отъ сельскаго. Городскія сословія, оставивши старую русскую одежду, стали оставлять съ тѣмъ вмѣстѣ и старые добрые обычаи и святые уставы. Одѣтому въ иностранную одежду показалось уже неприличнымъ стоять тамъ, гдѣ стоитъ крестьянинъ въ русской одеждѣ: онъ стыдится полагать на себѣ крестное знаменіе, какъ слѣдуетъ и какъ дѣлаетъ это русскій народъ по душѣ и по одеждѣ; онъ пересталъ являться въ церковь, оставивши съблюденіе этого устава простоядину; онъ не хранитъ постовъ, потому что за границей нѣтъ этого обычая. Вслѣдъ за городскими сословіями нынѣ уже и простой народъ, для своей обиходной жизни, сталъ все покупать, а въ старину у него все было свое. Нынѣ и простые селяне, а молодое поколѣніе въ особенности, стали оставлять простоту сельской жизни, сельскаго труда, ища себѣ работы въ городахъ, на фабрикахъ и заводахъ, откуда возвращаются они неизнаваемыми; все худое городской и фабричной жизни ими усвоено и принесено домой; они и наряжены уже не въ ту одежду, въ какую одѣвались родители и предки ихъ. Не напрасно блаженной памяти Царь-Миротворецъ Александръ III, увидѣвши на одномъ изъ старшинъ, явившихся для представленія Го ударю, вмѣсто кафтана сюртукъ, сказалъ ему: „Для чего это? Ты русскій: для русскаго лучше и одежда русская“.

Увидѣвши, что въ зарубежныхъ земляхъ нѣкоторые христіане не имѣютъ въ домахъ своихъ иконъ, и наши понесли вонь изъ домовъ свои иконы; вмѣсто старинныхъ большихъ иконъ, иногда въ сребропозлащенныхъ ризахъ, составляющихъ украшеніе домовъ ихъ, оставили въ углахъ своихъ домовъ едва

замѣтные лики святыхъ. Не стали уже возжигать ни лампадь предъ иконами, ни свѣчей. Аромать ладана сталъ невыносимъ для обонянiя избѣженныхъ женщинъ; постный елей нестерпимъ для вкуса, такъ же какъ и постная пища для желудка. Иноземцы стали провозглашать свои измышленiя, подъ именемъ открытiй науки,—что нѣтъ ни духа, ни души, ни Бога: стали то же говорить нѣкоторые ученики ихъ, наши соотечественники. Переставши быть русскими по душѣ и одеждѣ, нѣкоторые изъ нихъ сказали: пойдемъ въ народъ, будемъ учить его тому, что мы сами узнали; скажемъ ему, что нѣтъ ни Бога, ни души, ни совѣсти, что властямъ повиноваться нѣтъ надобности. И пошли въ народъ нѣкоторые изъ нихъ, называясь учителями, и стали проповѣдывать свое безумiе въ народѣ: вѣдь только безумный говорить въ сердце своемъ: „нѣсть Богъ“. Стали говорить недоброе о начальствѣ, лгать на служителей Церкви: стали учить по-своему, не Божьему; стали внушать, что властямъ повиноваться не нужно, пастырей слушать не слѣдуетъ. Началось было большое развращенiе. Но, слава Богу, Господь не допустилъ распространенiя этого зла среди народа. Изъ народа многiе здравомыслящiе поняли, что тутъ дѣлается что-то недоброе, дѣло ведется не по старымъ добрымъ обычаямъ.

И самъ Благочестивѣйшiй Царь увидѣлъ, что дурные люди стали употреблять грамоту не на добро, что они не доброе внушаютъ народу и стараются удалить его Бога, отъ Церкви, отъ повинности власти; и повелѣно было ставить школы ближе къ храму Божiю, подъ покровъ Церкви; начальное образованiе ввѣрять представителямъ Церкви и довѣреннымъ отъ царской власти лицамъ благонадежнымъ, чтобы дѣти могли учиться истинно полезному, читать и пѣть божественное, любить свою родину, молиться за Царя и христолюбивое воинство; чтобы дѣти, подъ руководствомъ пастырей, ходили въ церковь и дома молились Богу. Школы стали открываться и по деревнямъ; ли засіялъ свѣтъ Божiй среди темныхъ людей и какъ бы снова повѣяло святой стариной. Вспомнились времена Ярослава Мудраго, когда на Руси впервые явились школы съ церковной азбукой, часословомъ

и псалтирю. Дай Богъ, чтобы и впредь такъ было, чтобы измѣна и коварство не нашли себѣ на Руси мѣста, гдѣ-бы они могли свить себѣ гнѣздо; чтобы священные основы русской жизни—вѣра православная, даръ самодержавный и Русь единая, святая—остались на вѣки непоколебимыми.

Добрый русскій человѣкъ! Храни завѣты старины и не забывай мудраго изреченія, что той землѣ не устоять, гдѣ начнутъ уставы ломать. Храни неизмѣнную вѣрность Царю, зная, что на небѣ Богъ, а на землѣ царь—Божій Помазанникъ.

Соблюдай уставы Церкви—Матери твоей; ибо кому Церковь не мать, тому и Богъ не отецъ; говорить святоотеческая мудрость.

(„Голосъ Церкви“).

О записи въ метрическія книги.

Въ „Орл. Еп. Вѣд.“ сельскій іерей помѣстилъ слѣдующую замѣтку.

Недавно мнѣ пришлось быть по дѣлу у одного сосѣдняго священника—сдѣлать справку по поводу неправильно записанныхъ родителей въ актѣ о крещеніи моего прихожанина. Батюшка показываетъ мнѣ нужную запись сначала въ метрической книгѣ, а потомъ, ту же самую запись—въ толстой тетради, въ четверть листа, въ переплетѣ; въ этой тетради за нѣсколько лѣтъ, въ порядкѣ, были записаны *начерно* всѣ акты крещеній и отпѣваній. „Вотъ какъ у васъ аккуратно ведется дѣло записи!“ невольно воскликнулъ я, просматривая тетрадь.—„Да, у меня ужъ такой порядокъ ведется издавна. Иначе вѣдь и нельзя: метрика—это вещь серьезная, документъ государственной важности, аккуратность тутъ необходима“, говоритъ мнѣ батюшка. Я не могъ не согласиться съ этимъ и, искренно подивившись такому порядку, тутъ же рѣшилъ взять себѣ это за образецъ. Правда, и у меня были всегда для черновой записи тетради, но тонень-

кія (ученическія), къ концу такая тетрадь совершенно истреплется и ее бросаешь...

Дома я, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, спилъ толстую тетрадь—приобрѣсти тетрадь въ переплетъ здѣсь негдѣ,—и съ первыми же крестинами пустил ее въ дѣло. Теперь у меня правило (по примѣру того же батюшки): не начинать ни крещенія, ни отпѣванія, пока не будетъ записано въ эту тетрадь. Памятная книжка, листки, тѣмъ болѣе клочки бумажекъ, какъ это практиковалось раньше, когда тетради нѣтъ подъ руками, совершенно изгнаны изъ употребленія.

Хорошій примѣръ подаль мнѣ мой добрый сосѣдъ! Теперь, въ точности соблюдая вышеназванное правило, я не боюсь, что у меня окажется не записаннымъ въ метрику или крещеніе, или погребеніе. А изъави Богъ пропустить запись крещенія! Многимъ, вѣроятно, священникамъ приходилось испытать всю прелесть производства слѣдствія о лицахъ, не записанныхъ въ метрики. Сколько убиваешь времени, сколько потратишь труда и бумаги! Пишущему эти строки предписано произвести два подобныхъ слѣдствія... Грѣшный человекъ, не разъ въ сердцахъ скажешь слово, конечно, далеко не ласковое по адресу того, кто былъ виновникомъ пропуска записи.

Извѣстно, что причтамъ предписывается записывать акты крещеній и погребеній прямо въ метрическую книгу (копію, которая хранится при церкви); книга эта, разумѣется, должна всегда находиться въ церкви. Но это возможно только тамъ, гдѣ храмъ теплый; собственно даже и при тепломъ храмѣ запись прямо въ метрическую книгу представляетъ не мало неудобствъ: часто воспріемники презираютъ имена, отчества и фамиліи не только родителей, но даже и свои собственные; скажетъ кумъ сначала одно, задумается, а потомъ и говорить: „не Иванычъ вѣдь отецъ-то, а Кузьмичъ, кажется, Кузьмичъ! Запамятовалъ“... А кума шепчетъ куму: „меня зовутъ Целагея, а не Прасковья, ты чего же городишь“? Вотъ тутъ и записывайте прямо въ метрику! Кромѣ того, есть и такіе „писатели“—псаломщики, которые положительно не могутъ писать прямо „набѣло“, въ мет-

рику,—непремѣнно навреть. Конечно, всякія ошибки можно исправить и оговорки сдѣлать, но неудобно же чуть не въ каждомъ актѣ дѣлать поправки и писать оговорки.—Гдѣ же черковѣ холодная, о записываніи прямо въ метрическую книгу не можетъ быть и рѣчи: крещеніе обыкновенно совершается въ сторожкѣ; оставлять тамъ метрическую книгу, конечно, нельзя, носить ее всегда изъ дому тоже неудобно; вотъ черновая книга въ этомъ случаѣ и является положительно необходимою.

Было-бы весьма хорошо, еслибы въ каждой церкви велась *черновья книги* (удобнѣе всего въ четверть листа, въ переплетѣ, листовъ въ сто на годъ для средней величины прихода вполне достаточно)—и книга-бы эта представлялась наравнѣ съ другими для ревизіи благочинному. Разумѣется, такая книга не есть полная гарантія того, что пропусковъ записей совершенно не будетъ, но все-же, несомнѣнно, число пропущенныхъ значительно сократится,—слѣдовательно, и число утомительныхъ слѣдствій по этимъ дѣламъ.—Причина пропусковъ это, какъ всѣмъ извѣстно, непростительная небрежность—привычка записывать крестины и отпѣванія на клочкахъ бумажки, которые легко теряются, на листахъ богослужебныхъ книгъ, съ которыхъ запись такъ и остается не записанной въ метрику... А разъ занесено въ черновую книгу, тогда уже пропускъ записи совершенно невозможенъ.

Официальный отдѣлъ.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Перемѣны по службѣ.

Назначены: на священническое мѣсто къ церкви с. Чапли Летичевского у. экономъ Тульчинскаго епархіальнаго женскаго училища діаконъ *Евѣимій Петринскій*—22 августа, на штатное діаконское мѣсто къ церкви с. Войтовки Оольгопольскаго у. діаконъ-псаломщикъ с. Лучинчика Могилевск. у. *Петръ Васильевъ*—28 августа.

Перемѣщенъ священникъ с. Залуча Каменецкаго у. *Кирилль Березовскій* на штатное діаконское мѣсто къ церкви м. Соболѣвки Гайсинскаго у.—23 августа.

Утверждены: въ должности Благочиннаго 3-го Каменецкаго округа священникъ *Онисимъ Мисевичъ*—27 августа и въ должности псаломщика къ церквбмъ: с. Собола Каменецкаго у. *Іоаннь Коцюбинскій*—26 августа и с. Васютинецъ Литинскаго у. *Никифоръ Навроцкій*—27 августа.

Уволены: согласно прошенію, отъ должности Благочиннаго 1-го Балтскаго округа священникъ Николаевской церкви г. Балты *Николай Доорохольскій*—22 августа и заштатъ священникъ с. Кугаевецъ Каменецкаго у. *Владимірь Марчевскій* и діаконъ-псаломщики: с. Пилиповъ-Александровскихъ Ушицкаго у. *Кассіанъ Шепченко* и с. Гербины Балтскаго у. *Григорій Патинковскій*—26 августа.

Отчисленъ и. д. псаломщика с. Ставчинецъ Проскуровскаго у. *Яковъ Вацшинъ*—26 августа.

Вакантныя мѣста.

Священническія:

1) *Зинковъ м.* Летичевского у. Михайловская п. съ 29 мая. Церк. земли 28 д. 2300 кв. саж. и лѣса 4 д. 100 кв. с.; 1476 душъ обоого пола; жалов. свящ. 300 р.; круж. дохода за 1910 годъ 648 р. 52 к.

2) *Шербовцы с.* Ушицкаго у. съ 8 июля. Церк. земли 36 д. 479 кв. с.; 855 душъ обоого пола; причт. постройки есть; жалов. свящ. 300 руб.; круж. дохода за 1911 г. 96 руб. 5 коп.

3) *Васютинцы с.* Литинскаго у. съ 19 июня. Церк. земли 29 дес. 1997 кв. саж. и лѣса 5 дес. 28 кв. саж.; 1016 душъ обоого пола; причт. постр. выстроены въ 1894 году; жалов. свящ. 300 руб.; круж. дохода за 1911 г. 126 руб. 90 коп. 1911 г. 367 руб. 35 коп.

4) *Спичинцы с.* Лигинскаго у. съ 13 июля. Церк. земли 57 дес.; 1392 души обоого пола; причт. постр. выстроены въ 1897 г.; жалов. свящ. 300 р.; круж. дохода за 1911 г. 128 р. 35 к.

Содержаніе:—1) Императоръ Константинъ Великій и торжество христіанства.—2) Вездѣ о храненіи завѣтовъ старины Митрополита Московскаго Макарія.—3) О записи въ метрическія книги.

Официальный отдѣлъ.—Распоряженія Епархіальнаго Начальства.—1) Перемѣны по службѣ.—2) Вакантныя мѣста.

Безплатное приложеніе: Журналы Епархіальнаго Съѣзда 1911 г., л. 19 и 20 (стр. 289—320).

Редакторъ протоіерей Е. Сѣдинскій.

Завѣдующіе издательствомъ прот. Е. Сѣдинскій и С. Дложевскій.

Каменецъ-Под. Электрическая типографія Свято-Троицкаго Братства,
Уг. Базарной и Бульварной ул.